

МАРИ КВИН

ОСТАТЬСЯ
ЖУРНАЛИСТОМ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мари Квин
Остаться журналистом

«Автор»

2026

Квин М.

Остаться журналистом / М. Квин — «Автор», 2026

Быть журналистом в Колумбии — это играть со смертью. Здесь правда стоит дешевле пули, а власть принадлежит тем, у кого больше денег и связей. Совесть журналиста вернула Сьерру Мендоса обратно в Боготу после профессионального выгорания. Чтобы раскрыть сеть коррупции, она внедряется в бар «Ла Эскина» — центр грязных дел, где знакомится с Вирхилио. Сьерра рассчитывает использовать его как источник, но быстро понимает: она сама стала добычей. Вирхилио опасен, харизматичен и тотально контролирует ситуацию. Грань между расследованием и смертельной зависимостью стирается, а цена правды может оказаться слишком высока.

© Квин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1.	6
Глава 2.	12
Глава 3.	17
Глава 4.	23
Глава 5.	26
Глава 6.	31
Глава 7.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Остаться журналистом

От автора

Большое спасибо за помощь моим бетам: Ди Темиде, Марье Зеленой и Рин Рио, прошедшим со мной весь путь.

Дисклаймер: в угоду сюжета в этой истории не учитывается пандемия и локдаун. Основана на реальных событиях, происходивших в Колумбии, но с авторским вымыслом. Произведение в первую очередь художественное!

Глава 1.

Международный аэропорт Эль-Дорадо, Богота

18 марта 2020 г

Объявления по громкой связи.

Чужие разговоры.

Стук колесиков чемоданов по полу.

Мелодия очередного изменения моей жизни.

В аэропорту как всегда шумно. Но сегодня в этом гудении есть новая, металлическая нотка — тревога. Люди не просто спешат, они будто проверяют, насколько безопасно ступить на эту землю. Кто-то оглядывается, кто-то говорит тихим, напряженным голосом. Или это уже просто моя паранойя...

Чувствую, что в Боготе ее влияние на меня лишь усилится.

Поправляю шарф, запрещая себе думать об этом, чувствуя знакомую тяжесть в затылке. Кислородное голодание после перелета дает о себе знать почти сразу, стоит только ступить на землю.

Игнорируя боль, пробиваюсь сквозь толпу к выходу. Заказываю через приложение такси. Сажусь.

Все еще не верю, что вернулась в Боготу.

Что решилась на это.

Не только на это...

И эта мысль занимает меня все время ожидания «Убера».

Пока мы вырुливаем на автостраду Эль-Дорадо, я смотрю на вечерний город. Огни растягиваются в размытые линии. Я не была в Боготе последние два года. Будто бы целую жизнь.

В голове еще звучат отголоски Барселоны. Там тоже было шумно, были забастовки, но лозунги были иные. В Боготе полгода назад кричали о достоинстве. «Национальная забастовка» началась двадцать первого ноября, и казалось, город вот-вот взорвется. Правительство Дуке¹ говорило о реформах, о пенсиях, о молодежи, но улица услышала только угрозу.

Мы проезжаем мимо станции Трансмиленио². На бетоне все еще видны следы копати. Некоторые стекла заменены, другие забиты фанерой. Здесь жгли автобусы, здесь сталкивались с ESMAD³. Водитель молчит, но я вижу, как он напряженно вглядывается в темноту.

— Вы турист? — вдруг спрашивает он, нарушая молчание. Видимо, обратил внимание на мой взгляд.

В очередной раз сердце обливается кровью от того, что происходит в моем городе. В моей стране.

— Нет. Вернулась домой. Здесь... вроде все осталось прежним, а вроде... — Смотрю на меняющийся пейзаж. Казалось бы я улетала из той же Боготы: те же улицы, те же люди.

Но в воздухе словно что-то изменилось. В настроении людей. Словно что-то оборвалось.

— Стало слишком тихо, сеньорита, — продолжает водитель, словно отвечая на мой вопрос. — После того, как парня убили... Вы знаете, о ком я?

— Дилан, — тихо отвечаю я.

¹ Иван Дуке, занимавший пост президента Колумбии в 2018–2022 гг., провел реформы в налоговой, трудовой и пенсионной сферах. Эти меры спровоцировали масштабный социальный кризис: молодежь, столкнувшаяся с высокой безработицей и ограниченными возможностями трудоустройства, стала одной из наиболее активных групп протеста в ходе массовых демонстраций.

² Система TransMilenio в Боготе и Соаче включает 152 станции, распределенные по 12 линиям.

³ ESMAD (полное название — Escuadrón Móvil Antidisturbios, англ. Mobile Anti-Disturbance Squadron) — спецподразделение Национальной полиции Колумбии для подавления массовых беспорядков.

Дилан Крус⁴. Восемнадцать лет. Выстрел в голову. Двадцать третье ноября. Эта дата выжжена в памяти города сильнее, чем любые граффити. Его смерть стала точкой невозврата. Горожане вышли на улицы не просто против пенсионной реформы, как это происходило ранее, они вышли против того, чтобы убивали детей.

Их детей.

— Они хотели ввести комендантский час в шесть вечера, — продолжает водитель, качая головой. — Как будто мы преступники. А потом начиналось самое главное. В восемь вечера.

Знаю, о чем он. «Касеролазо». В восемь вечера вся Богота превращалась в огромный оркестр. Стук кастрюль, крышек, ложек. Этот звук проникал сквозь стены, слезоточивый газ и страх. Саундтрек сопротивления. Теперь улицы пусты. Протесты улеглись, да. Власть говорит, что порядок восстановлен. Вандалов поймали, мирные разошлись по домам.

Но...

В Колумбии уже давно никто не верит официальной власти.

Слишком часто она нас подводила.

Да и... будем честны.

Над этой властью всегда есть рука, которая управляет ими. Дергает за ниточки, как марионеток.

Или, наверное, лучше будет сказать, держит руку в их задницах, как у тряпичных кукол. Ведь... каждые новости это тот еще кукольный театр. И печатных СМИ это коснулось тоже.

Именно поэтому я бросила журналистику. Именно поэтому сбежала в Испанию, чувствуя, как профессия, которую я любила, превращается в инструмент лжи. Выгорание — это слишком мягкое слово. Это было медленное удушье.

Но...

События в Боготе не позволили мне просто сидеть в Барселоне, прячась за безопасными стенами Европы, пока мой город горит. Нельзя оставаться наблюдателем, когда у тебя на родине пишут историю кровью.

И я вернулась, стараясь много не размышлять о том, насколько эта идея хороша.

Мой район, Сан-Кристоваль, встречает меня запахом жареной курицы и влажным асфальтом. Здесь всегда пахнет едой и дождем. Иронично вернуться в дождливый сезон. Будто плюс несколько очков к драматизму.

Расплачиваюсь с таксистом, киваю на прощание. И иду к дому, где провела детство. Поднимаюсь на третий этаж.

Внутри темно. Родители переехали из Боготы еще пару лет назад, желая жить в более спокойном месте. Я не включаю свет, просто подхожу к окну. Внизу, почти нет машин. Город замирает. Но это не мир. Это истощение. Я смотрю на эти темные окна и понимаю: самое сложное начинается сейчас. Раньше мы боялись слезоточивого газа и водяных пушек, а теперь боимся, что стук кастрюль больше не повторится. Что мы устали больше, чем они. Что бороться бесполезно. Что наши голоса никто не услышит.

Достаю телефон. Там висит уведомление от старого друга и бывшего коллеги-журналиста. Хоакин рад моему возвращению. И я улыбаюсь, вспоминая наше прощание два года назад.

Мне было всего двадцать пять, и я считала, что никогда не вернусь в журналистику.

Сьерра Мендоса-Рохас! Я же говорил. Никогда не говори никогда

Читаю сообщение и в красках представляю нарочито важный вид Хоакина. Даже будто бы слышу его тон.

⁴ Реальный случай. Дилан Маурисио Крус Медина (Dylan Mauricio Cruz Medina) — 18-летний студент колледжа, погибший в ходе массовых протестов в Боготе (Колумбия) в ноябре 2019 года.

Интересно, как он держится в профессии уже почти десять лет без выгорания? С энтузиазмом. Как пишет в стране, где за правду могут убить и правительство, и преступники?

Вздыхаю, снимая ботинки. Мне всего двадцать семь лет, а я чувствую себя старой. Барселона позади, а будущее — где-то за стеклом, в этой странной, давящей тишине. Люди думают, что буря прошла. Но я знаю: шрамы на стенах города заживают дольше, чем память людей. И если тишина наступила быстрее, чем мы успели договориться о переменах, значит, она просто копит силы для нового удара.

Такова Богота. Тишина тут — очень плохой предвестник.

Сан-Кристобаль, Богота

19 марта 2020 г

Новый день встречаю со старой мыслью: странно возвращаться в дом, где ты вырос. Который покинул в восемнадцать лет. В который восемь лет приезжал, как в гости. В котором не был два года.

Вроде помнишь мелочи, которые делали дом твоим. Но при этом он все равно кажется чужим.

После перелета я проспала почти до полудня. Распаковала некоторые вещи. Нашла на кухне старую кофеварку, но ни в одном ящике нет кофе. Конечно. Неудивительно. В доме, в котором никто не живет, не бывает кофе. Здесь не готовят завтрак, не стучат чашками, не живут. Нужно было подумать об этом заранее, купить пакет по дороге из аэропорта. Но когда ты летишь через океан, все еще не чувствуя уверенности в собственном решении, то такие мелочи улечиваются из головы быстрее, чем аромат свежей обжарки.

Хорошо, что мне хватило сообразительности попросить маму заново подключить электричество...

А ей хватило сентиментальности не сдавать и не продавать квартиру. Она не хочет, чтобы там жил кто-то чужой.

Пытаюсь собраться с мыслями и, отгоняя ненужные размышления, подхожу к окну. На улице снова небольшой дождь. Но он мне не препятствие. Натягиваю худи на домашнюю майку, джинсы, надеваю кроссовки и тащусь в магазин.

Дверь за спиной защелкивается с глухим, окончательным звуком. Я запираю ее на два оборота.

Воздух на улице густой, влажный. Здесь, на юге Боготы, высота ощущается иначе, чем на севере. Легкие снова сжимаются, но я делаю глубокий вдох и натягиваю капюшон на голову.

Иду вниз по склону. Путь лежит к маленькой лавке на углу. Колени слегка ноют. Вдруг вспоминаю, как резво, будучи детьми, мы с друзьями бежали по этой же дороге, когда сбегали с уроков покупать эмпанадас⁵. Тогда угол казался непреодолимым спуском в большой мир. Сейчас это просто улица, где трещины в асфальте заросли мхом, а бордюры покрыты слоями старой краски.

До магазина еще квартал. Раньше здесь была пекарня. Запах свежего хлеба встречал тебя за полсотни метров. Теперь пекарни нет. Закрыто. На окне объявление о продаже, бумага пожелтела от солнца. Вместо хлеба — запах жареного масла из соседней забегаловки.

Вхожу в лавку. Колокольчик над дверью звякает лениво, будто ему тоже лень работать.

Внутри полумрак. Холодильники гудят натужно. За прилавком стоит мужчина, которого я не знаю. Не дон Хорхе, который продавал нам жвачки в кредит. Этот старше, глаза водянистые, лицо в глубоких морщинах.

— Что вам нужно, сеньорита? — голос хриплый.

— Кофе. Молотый. Яйца. Хлеб.

⁵ Эмпанадас — это жареные пирожки из пшеничной муки с различной начинкой, чаще всего мясной.

Вдруг до меня доходит, что нужно было составить список. Но... На завтрак продуктов хватит, за ужином встречаюсь с Хоакином. Возьму там что-нибудь с собой навынос.

И завтра или даже послезавтра уже можно будет подумать о списке продуктов.

Продавец медленно кивает, будто каждое движение требует экономии сил. Его руки, покрытые пятнами и сеткой вен, привычно хватают продукты.

Расплачиваюсь. Выхожу. Дождь все еще идет.

Обратно идти тяжелее. Вверх по склону. Воздух становится разреженнее с каждым шагом. Легкие горят, но я не сбавляю темп.

На углу стоит патрульная машина. Белый цвет, синяя полоса. Двое полицейских курят, лениво опираясь на капот. Они не смотрят на меня, но я чувствую их взгляды на затылке. В Боготе ты всегда под прицелом. Либо преступников, либо государства. Разница лишь в том, какая форма у дула.

Дохожу до дома, поднимаюсь на третий этаж. Ключ скрипит в замке. Внутри снова тишина, но теперь она кажется менее враждебной. Ставлю пакет на стол, и кухня сразу оживает. Запах кофе, даже еще не сваренного, заполняет пустоту.

Включаю кофеварку. Пока вода нагревается, подхожу к зеркалу в прихожей.

Отражение смотрит на меня усталыми глазами. Темные круги, бледная кожа. Я выгляжу как человек, который видел слишком много и слишком мало спал.

К вечеру, конечно, было бы неплохо привести себя в порядок.

Чапинеро, Богота

Такси везет меня на север, удаляясь от тяжелого воздуха Сан-Кристобалья. Чем дальше мы едем, тем ярче становится город. Здесь Богота носит другую маску. Кружевную, нарядную, дорогую. Неоновые вывески ресторанов отражаются в стеклах машин. Люди смеются громче, одеваются моднее. Здесь можно почти забыть о копоты на остановках Трансмиленио и о выстрелах, эхом разносящихся по югу. Почти.

Я приезжаю в небольшое кафе с кирпичными стенами и мягким светом. Внутри шумно, столики заняты. Официанты балансируют подносами, звон бокалов сливается с гулом голосов.

Хоакин сидит у окна. Я замечаю его сразу. Он листает что-то на телефоне, хмурясь, но стоит мне приблизиться, его лицо меняется. Тридцать три года. Он старше меня на шесть лет, но выглядит так, будто прожил куда больше, пока мы не виделись. Темные волосы слегка растрепаны, будто он постоянно проводит по ним рукой в моменты раздумий. Под глазами залегли тени — признак бессонных ночей из-за дедлайнов. На нем простая рубашка с закатанными рукавами, открывающими предплечья с несколькими шрамами — напоминаниями о том, что репортерская работа в Колумбии редко бывает безопасной.

— Сьерра! — Он вскакивает, отодвигая стул.

Мы обнимаемся крепко, по-настоящему. От него пахнет табаком, дешевым одеколоном и бумагой. Странный запах для ресторана, но это запах Хоакина. Запах новостей.

— Я не верю, что ты здесь, — он отстраняется, смотрит на меня своими живыми, слишком внимательными глазами.

Я тоже, Хоакин. Я тоже.

— Чудесно выглядишь, — продолжает он.

Улыбаюсь, вспоминая, как пыталась отгладить это несчастное черное платье. И привести свои кудрявые волосы в порядок. Никогда в жизни так не радовалась, что они едва дотягивают лопаток.

— Ты тоже, — присаживаясь, говорю я.

Мы заказываем ужин. Вино. И как только официант оставляет нас, я спрашиваю:

— Ну что? Как оно тут? По-настоящему. Не для новостей.

Хоакин кривит улыбку.

— Как на пороховой бочке, стоящей на вулкане. Ты же знаешь. Официально — демократия, свобода слова. Неофициально — если копнешь не туда, найдешь либо мешок для трупов, либо судебный иск на миллион долларов.

И это в лучшем случае. Родная Богота.

— А журналистика? — спрашиваю я, крутя ножку бокала. — Есть ли место для тех, кто еще верит, что слово имеет значение? Или все окончательно превратилось в пиар-отделы корпораций?

Хоакин вздыхает, откидываясь на спинку стула. Сложный вопрос. Понимаю. Но у меня не так много денег, чтобы долго сидеть без работы.

— Есть места, — Хоакин наконец откладывает телефон экраном вниз. В его взгляде появляется та самая искра, которую я помню по нашим совместным расследованиям. — Я закинул удочки знакомым. В пару независимых изданий, одно цифровое. Пока ничего конкретного сказать не могу. Будут контакты — буду держать в курсе. Думаю, завтра-послезавтра уже что-то скажу.

Он делает паузу, поднимает бокал, но не пьет, а просто смотрит на темную жидкость сквозь стекло.

— Расскажи немного об Испании. Как там? Какие приключения нашла?

Выполняю просьбу, зная, как Хоакин любит истории о других странах. В это время нам приносят заказ.

Официант ставит две керамические тарелки с чурраско. Стейк выглядит идеально: темно-коричневая корочка с четкими полосами гриля. Рядом лежат клубни папы криоллы⁶, посыпанные зеленым луком. Следом ставят салат из рукколы с вялеными томатами и стружкой пармезана. Листья свежие, хрустящие, покрыты капельками оливкового масла, которые сверкают в мягком свете ламп. И, наконец, корзина с хлебом — теплым, с хрустящей корочкой, от вида которой сразу текут слюнки.

— Приятного аппетита, — бормочет официант и исчезает.

Хоакин берет нож и вилку, но не приступает к еде сразу. Он смотрит на блюдо, будто оценивая его.

— Выглядит слишком хорошо для города, где половина населения не знает, что будет завтра, — тихо говорит он, внимательно осматривая еду. Дааа, Хоакина все еще Хоакин.

— Ешь, Хоа. Пока горячее, — усмехаюсь я, отпивая вино. Знаю, если начнем говорить на эту тему, то заночуем в ресторане.

Мы начинаем есть. Вкус мяса насыщенный. Вино мягко обжигает горло, расслабляя мышцы. На несколько минут воцаряется тишина, нарушаемая только звоном приборов и гулом ресторана. Это островок нормальности посреди хаоса.

И пусть секунду назад я опасалась заночевать в ресторане из-за болтливости Хоакина, все равно задаю ему вопрос, ответ на который непременно увлечет его.

— Над чем работаешь сейчас?

Хоакин тут же забывает о еде. Его взгляд загорается хорошо знакомым мне блеском. Тот самый огонь, который когда-то сжег наши нервы дотла, но заставил нас чувствовать себя живыми. Он откладывает вилку, края стейка так и остаются нетронутыми.

— Ты слышала о серии нападений в Усаке и Суба⁷? — спрашивает он, понижая голос и не дожидаясь ответа, продолжает: — На прошлой неделе. Трое погибших, пятеро в реанимации.

⁶ Популярный в Колумбии сорт картофеля.

⁷ Усакён (Usaquén) и Суба (Suba) — это два крупных района (населенных пункта) на севере Боготы. Север считается более благополучный, чем юг.

— Криминальная хроника, — пожимаю плечами, не видя ничего удивительного. — В Боготе это обычный вторник. Пусть речь и не о юге. В чем сенсация?

— Обычно да. Но посмотри на детали, Сьерра. — Он наклоняется ближе, его руки лежат на скатерти, пальцы нервно барабают по ткани. — Районы были выбраны не случайно. Удары нанесены профессионально. Под дых, в сонную артерию, перебивание сухожилий. Они не просто били, они выводили из строя. Как солдаты.

Я замираю. Кусок хлеба застревает в горле.

— Солдаты? Хоа, это шпана с мачете.

— Именно. Обычно такое рук банд малолеток. — Его голос твердеет. — Но не в этот раз. Они не орут, не требуют телефоны. Они работают группами. Прикрытие, атака, отход. Чистая работа. Никаких лишних следов. Полиция говорит о бандах, но патрульные на местах шепчутся о другом. Они говорят, что этих детей кто-то учит.

Вино вдруг кажется кислым. Я знаю эту историю. Слишком хорошо знаю. Колумбия давно использует детей как расходный материал. Сначала партизаны, потом парамилитарии, теперь наркокартели. Но если они вышли на улицы города с такой дисциплиной...⁸

— Кто-то готовит армию прямо под носом у правительства, — произношу я вслух.

— Вот именно, — Хоакин кивает. — И самое страшное не сами нападения. А то, откуда они получают приказы. У меня есть зацепки, но... я пока копнул недостаточно глубоко. Но завтра, — продолжает он, и в его глазах мелькает тень страха, которую он тщательно прячет, — завтра у меня встреча с человеком, который будет приближен к месту, откуда они, возможно, получают приказы.

Внимательно смотрю на лицо Хоакина. Тридцать три года, а взгляд как у старика, видевшего слишком много смертей. Но в этом взгляде есть надежда. Огонь. Он верит, что мы можем это остановить. Или хотя бы показать миру.

Безумец.

— Звучит опасно, — не скрывая напряжения, произношу я.

— Как и все в Боготе, — слишком беспечно отзывается Хоакин.

И в этом есть правда. Опасность здесь — это климат. Это как влажность: ты не видишь ее, но чувствуешь кожей каждый раз, когда выходишь из дома. Но есть разница между опасностью, которая подстерегает на углу, и опасностью, в которую ты лезешь сознательно, без страховки.

— Не первое мое родео, Мендоса, — продолжает Хоакин, салютуя бокалом.

— Главное, чтобы не последнее, — вяло отзываюсь я, беря свой.

⁸ Колумбия на протяжении десятилетий вовлекает детей и подростков в вооруженные и криминальные структуры — сначала левые повстанцы (имеются в виду марксизм-ленинизм, аграрный социализм в 90-х), затем правые военизированные формирования (имеются в виду правые военизированные группировки, такие как АУС (Объединенные силы самообороны Колумбии)), а сейчас наркокартели.

Глава 2.

Сан-Кристобаль, Богота

21 марта 2020 г

Какие же убогие контрасты своей жизни ловлю этим вечером. Сегодня, наконец, я дошла за продуктами, немного убралась, разобрала вещи. Вся эта незатейливая рутина заставила меня гордиться собой, будто я совершила нечто невообразимое. А я всего лишь сварила кофе, вымыла полы и протерла пыль.

Но сейчас освещенная лишь холодным светом экрана ноутбука я сижу в темноте, читаю собственные старые статьи и понимаю, насколько смехотворна моя гордость.

За окном барабанит дождь. Мелкий и пронизывающий. Он не смывает грязь, а лишь размазывает ее по стеклу. Капли стекают длинными дорожками, искажая огни улицы внизу, превращая фары машин в размытые пятна. На кухне все еще витает аромат кофе и эмпанадас, которые я купила по старой памяти. Но вкус уже не тот, что в детстве.

Жуя остывший пирожок, я смотрю на экран. Там — архив. Папка «2017–2018». Файлы с названиями, которые когда-то казались важными.

«Голоса из долины забытых».

«Пенсионная реформа: цена жизни».

«Тени Конгресса: кто дергает за нити?».

Я уверенно писала об этом, думая, что словами, как скальпелем, можно вырезать опухоль коррупции. Верила, что если правильно подобрать факты, выстроить логику, добавить немного человеческой драмы, то система дрогнет. Я ездила в лагеря для перемещенных лиц, где дети спали на картоне, пока их родители надеялись на землю, которую у них отобрали. Брала интервью у матерей, чьи сыновья исчезли в белых фургонах, и печатала их слезы и боль на бумаге, надеясь, что кто-то в офисе с кондиционером прочтет это и устыдится.

Писала о политике так, будто это шахматная партия, где фигуры — это люди. Описывала схемы отмывания денег, связи между наркобаронами и сенаторами, тихие сделки в дорогих ресторанах. Мне казалось, что я обнажаю правду. Что я — голос безгласных.

Кликаю дальше. Статья о протестах в Кали. Фотография подростка с камнем в руке. *«Гнев поколения, которому нечего терять».* Звучало пафосно. Красиво. Продаваемо.

Но сейчас я понимаю, насколько в точку попала тем заголовком. В этом мире, когда завтра вся прежняя жизнь может рухнуть, терять уже действительно нечего. Особенно если и до этого у тебя и так было немного. Или почти ничего.

И глядя на эти строки сейчас, осознаю страшное. Это лишь набор букв, который не оставил ни одной пули. Не вернул ни одного исчезнувшего. Не изменил ни одного закона.

Мои репортажи становились вирусными на пару дней. Ими делились в социальных сетях, их обсуждали в университетах, цитировали оппозиционеры. А потом жизнь продолжалась. Те же люди умирали. Те же воры сидели в тех же кабинетах. Только обивка на креслах становилась дороже.

Закрываю файл. Экран гаснет, оставляя меня наедине с отражением в черном стекле. Усталое лицо, тени под глазами, такие же глубокие, как те ямы на дорогах Сан-Кристобалья.

Гордость за чистый пол и полный холодильник рассыпается в прах перед лицом этой цифровой могилы. Что я здесь делаю? Думаю, что смогу лучше? Что *теперь* смогу что-то изменить? Верю, что за два года в Европе нашла какое-то волшебное слово, которого не знала раньше?

Ничего подобного...

Наверное, это болезнь. Какое-то отклонение в психике у таких, как я и Хоакин. Мы просто не умеем иначе. Даже если пытаемся. Даже если каждый раз испытываем дикую боль.

Чертовы мазохисты, которые все равно упрямо прут к тому, что считают нужным.

Заснуть не получается. Сажу, поджав ноги под себя, и бессмысленно тарашусь в документ с резюме.

Толку от этого занятия, конечно, ноль. Я перечитываю строчки о своем опыте, о наградах, о публикациях, и они выглядят как некролог профессии, которой больше нет. Да и в журналистике многое решают связи. Но я продолжаю скроллить сайты изданий. Прикидываю, где можно поработать на фрилансе, пока не найду хоть какое-то пристанище. Временная работа. Временная жизнь.

Странно, что Хоакин так ничего и не сообщает. Обещал держать в курсе, но тишина в мессенджере затягивается. Неужели настолько голяк? Или он просто погрузился в работу с головой? Встречи с информаторами, проверка данных... Одинаково возможны оба варианта.

Вздыхаю, отодвигая ноутбук. Экран гаснет, оставляя меня в полумраке. Тянусь за телефоном. Решаю напомнить этому трудоголику о себе. Часы на экране показывают первый час ночи. Для любого нормального человека это время сна. Но я знаю: у Хоакина нет такого понятия, как «режим дня». Его биологические часы давно сломались где-то между дедлайнами и погонями. Он может не спать до четырех утра, редактируя текст, и провалиться в мертвый сон в три часа дня прямо на клавиатуре.

Отправляю. Откладываю телефон на стол. Жду.

В тишине квартиры каждый звук кажется громким. Капает кран на кухне. Где-то далеко лает собака. Я смотрю на темный прямоугольник телефона и даже не знаю, какой ответ от Хоакина хочу получить.

Сан-Кристоваль, Богота

22 марта 2020 г

Механический голос сообщает, что абонент не может ответить и переводит на голосовую почту. Если вчера я еще могла отмахнуться от молчания Хоакина, списав все на вечную занятость, то сегодня тревога уже больше дает о себе знать. Он упоминал встречу с информатором, поделился темой статьи, от которой веет не просто скандалом, а реальной угрозой.

Мое знание обстановки в Боготе тут же подкидывает множество вариантов, и все пугающие. Думаю о многом: начиная от банального ареста за какую-нибудь ерунду вроде просроченных прав до мысли, что бездыханное тело Хоакина уже лежит где-нибудь в подворотне Сьюдад-Боливара⁹, прикрытое старой газетой. В Боготе исчезают быстрее, чем остывает кофе. Особенно те, кто задает неправильные вопросы.

И к вечеру решаю воспользоваться своим безработным положением и еду к Хоакину, зная, что пусть он и трудоголик, но торчать в редакции ненавидит.

Энгатива¹⁰ немного лучше моего района. Здесь улицы шире, асфальт целее, а фонари горят чаще. Это спальный район среднего класса: бетонные коробки квартир, бесконечные ряды маленьких магазинчиков, закрытых ставнями на ночь. Здесь живут учителя, клерки, мелкие чиновники. Люди, которые верят, что если платить за страховку и не высовываться, то беда обойдет стороной. Но мы-то с Хоакиным знаем, что беда не смотрит на адресную прописку.

Такси останавливается у подъезда. Старое здание с облупившейся желтой краской. Хоакин снимал эту квартиру лет пять.

⁹ Район в Боготе. Его большая часть — сельская местность, но его городская часть включает одни из крупнейших в мире мега-трущоб. Сьюдад-Боливар считается опасным районом. Многие жители находятся за чертой бедности.

¹⁰ Энгатива — район на северо-западе Боготы.

Поднимаюсь на четвертый этаж. Лифт не работает. Иду пешком, считая ступени. На площадке тихо. Только слышно, как гудят лампы. Подхожу к двери Хоакина. Зеленая, металлическая, с глазком.

Звоню. Долго.

Тишина давит сильнее, чем темнота на улице. Я уже собираюсь звонить во второй раз, когда замок шелкает. Цепочка гремит. Дверь приоткрывается.

На пороге стоит Клара, старшая сестра Хоакина. Я видела ее пару раз на днях рождения, всегда улыбчивую, шумную. Сейчас она не похожа на себя.

На ней мятая блузка, волосы собраны кое-как в пучок. Но главное — лицо.

Оно осунулось, словно с нее сошла вся жизнь. Веки опухшие, красные, явно от слез. Под глазами темные мешки, будто ее били. Она смотрит на меня не узнающим взглядом, словно я призрак.

— Сьерра? — голос хриплый, сорванный.

И мне становится страшно.

— Привет, — здороваюсь я.

Она молча отступает в сторону, пропуская меня. Дверь закрывается с хлопком. В квартире полумрак. Шторы плотно задернуты, свет горит только в коридоре и от торшера. Воздух спертый, пахнет валерьянкой. Я так и мнусь у двери. Хочу спросить: «Где он?», но слова застревают в горле. Не решаюсь. Вместо этого внимательно наблюдаю за Кларой.

Она проходит на кухню, не включая свет, и опирается руками о столешницу. Ее спина напряжена, будто она ждет удара. В этом напряжении читаю то, что Клара не говорит вслух. Вспоминаю ее пьяный голос на дне рождения Хоакина, три года назад. Она тогда налила вина и сказала через стол, глядя ему в глаза: «*Твое любопытство тебя когда-нибудь убьет*». Клара всегда ненавидела нашу профессию. Ненавидела то, как горели глаза у брата, когда он говорил о разоблачениях. Для нее журналистика была не службой обществу, а медленным самоубийством.

И сейчас, глядя на ее согнутую спину, я вижу, что эта ненависть достигла апогея, но смешалась с беспомощностью. В ее позе читается немое: «*Я же предупреждала*».

Тишина тянется невыносимо долго. Решаюсь пройти за Кларой.

— Его нет здесь, — наконец говорит она. Голос тихий, без эмоций, будто она зачитывает сводку новостей.

Я вздрагиваю. Она не дожидается вопроса и продолжает. Буквально выплевывает мне эту информацию в лицо:

— Он в больнице, — продолжает Клара, поворачиваясь ко мне. В ее глазах нет слез, только сухая, выжженная злость. — На него напали. Два дня назад. Когда он вышел из редакции.

У меня холодеют руки. Представляю темную улицу, силуэты, удары.

— Насколько серьезно? — выдавливаю я.

— Три перелома. Внутреннее кровотечение. Черепно-мозговая. Хоакин в реанимации. Врачи говорят, что травмы серьезные. У него пробита голова.

Хватаюсь за спинку стула, чтобы не упасть. *Реанимация*. Мозг лихорадочно пытается сложить пазл. Встреча с информатором. Статья о тренированных подростках. И вот результат. Это — жестокое предупреждение.

Во взгляде Клары — обвинение. Чистое, незамутненное. Ей слишком больно за брата, и этот яд нужно куда-то девать, поэтому она выливает его на меня. На ту, кто стоит рядом, кто из той же профессии.

И я не могу ее винить. Это ее младший брат. Пусть разница в возрасте между ними всего несколько лет, но Клара всегда относилась к Хоакину как к еще одному своему ребенку. Она защищала его, кормила, ругала за поздние возвращения, пыталась уберечь от самого себя.

У Хоакина ведь нет никого другого. Ни жены, ни детей. Его единственная семья — это мы, его коллеги, и его бесконечные статьи. Он вечно носится со своими расследованиями, жертвуя личным ради общественного. Отдает жизнь за строки, которые кто-то прочтет за утренним кофе. И теперь Клара смотрит на меня как на соучастницу этого жертвоприношения.

— В какой он больнице? — интересуюсь я, зная, что Кларе не нужны слова утешения от меня. Она хочет, чтобы я убралась. Чтобы ничто сейчас не напоминало ей о журналистике.

— Южный госпиталь, — глухо отзывается Клара.

— Спасибо.

Не успеваю договорить. Клара уже отворачивается, будто мое присутствие физически жжет ей кожу. Слышу тихий, сдавленный всхлип. От этого звука внутри все сжимается, становится тяжелее дышать.

Механически смотрю на часы. Без десяти восемь. Наверное, в больницу ехать уже поздно. Да и в реанимацию пускают только ближайших родственников, а не бывших коллег, которые сбежали за океан.

Но все равно попытаюсь. И...

Смотрю, как вздрагивают плечи Клары под тонкой тканью блузки. Вопрос жжет язык, но я не знаю, стоит ли его задавать. Сейчас любое неверное слово может стать искрой в пороховой бочке.

Словно почувствовав мое колебание, Клара резко поворачивается. Ее взгляд нетерпеливый, колючий. Кажется, она сдерживается из последних сил, чтобы не сорваться, чтобы не ударить меня. В ее глазах читается желание найти виноватого, и сейчас я — самая удобная мишень. Но если цена ответа — пощечина, я готова принять ее.

— Ты знаешь, с кем он должен был встретиться в тот день?

— Нет, — фыркает Клара, отводя глаза. — При поступлении в больницу при Хоа не было никаких вещей. Телефона, ноута, даже его блокнота. Полиция говорит, что это было ограбление.

В ее голосе проскальзывает нервная усмешка. Горькая, ломаная. Так жестоко не грабят даже в Боготе.

— И... — Клара замолкает, затем снова смотрит на меня, внимательнее, будто взвешивает, стоит ли говорить это: — Мне кажется, здесь кто-то был. В квартире. Не знаю точно... Когда я пришла сюда... У Хоакина, конечно, всегда бардак, но...

Она обводит рукой комнату. Я понимаю, о чем она. Беспорядок хозяина и беспорядок чужака — это разные вещи. Чужого в доме чувствуешь кожей, даже если ничего не пропало.

— Ты сообщала об этом полиции? — спрашиваю, хотя заранее знаю ответ.

Усмешка Клары понятнее любых слов. Что сообщить? Мне кажется, в квартире моего брата кто-то был?

— Понятно, — хмыкаю я.

В голове продолжают лихорадочно вертеться шестеренки: банды, тренированные подростки. И в этот момент понимаю: полиция закроет дело через неделю. Клара не будет копаться в этом. Хоакин без сознания. Если я хочу узнать, кто тот таинственный информатор и за что Хоакин попал в реанимацию, разобраться придется мне. Самой.

Но изменится ли что-то в этот раз?

— Я могу осмотреться в его спальне? — осторожно спрашиваю. — Возможно, он оставил какие-то записи... Черновики.

Взгляд Клары меняется. В нем появляется что-то новое, помимо боли и злости. Она смотрит на меня как на сумасшедшую. И, наверное, в этом есть логика. Но потом в ее глазах вспыхивает искра безнадежности. Она словно убеждается, что я, как Хоакин. Чую что-то. И иду, несмотря ни на что. И никакие слова не убедят меня в обратном, даже если на пути я пойму, что это путь в могилу.

Все-таки это действительно болезнь. Чертово психическое расстройство. Или даже сумасшествие. Ведь... кажется именно такое определение, когда ты делаешь одно и то же, надеясь на иной результат.

— Осмотрись, — устало выдает она.

Благодарю ее, наконец, спрашиваю, могу ли чем-то помочь, но Клара лишь мотает головой.

— Мне ничего не нужно, — тихо говорит она, не оборачиваясь. — Просто найди то, ради чего его чуть не убили. И сделай так, чтобы это не было зря.

Глава 3.

Спальня Хоакина похожа на комнату подростка, а не взрослого мужчины.

На стенах — постеры. Выцветшие распечатки любимых групп десятилетней давности. Один угол украшен картой Средиземноморья — мечта, которую он откладывал каждый год. *«Когда закончу этот материал», «Когда получу премию».*

Кровать узкая, металлическая, скрипучая. Постельное белье смято, одеяло сбито в ком на полу. Здесь не спят, а валяются. На стуле у окна — гора одежды: джинсы, футболки, пиджак, который он надевал только на важные встречи. Все свалено в одну кучу.

На полу — книги. Прямо на ламинате. Стопки высотой до колена. Комиксы, переплетенные с серьезной литературой по политологии. «Хранители»¹¹ лежат рядом с трудами по кризисам в арабских странах. Детство и работа, перемешанные в единый хаос.

Прохожу по комнате и нервно усмехаюсь. Как же странно сейчас быть здесь. Поворачиваю голову. Прикроватная тумбочка завалена хламом. Пачка сигарет, две зажигалки, блокнот с вырванными страницами, стакан с водой, в котором плавает муха.

Беру блокнот, включаю основной свет и всматриваюсь в отпечаток старых записей, как в каком-нибудь детективном сериале.

Если тут кто-то действительно был, то наверняка не стал бы тратить время на вырывание листов.

Кладу блокнот на место и задумываюсь: что же я хочу здесь найти? Сажусь на стул Хоакина и делаю медленный круг, внимательно осматривая комнату.

Он скрипит под моим весом. На секунду закрываю глаза, представляя, как мой друг сидит здесь ночью.

Открываю. Взгляд скользит по столу. Здесь царит контролируемый беспорядок, понятный только Хоакину. Среди пустых кружек и огрызков карандашей лежит диктофон и жесткий диск.

Так... если бы сюда вломилась с целью узнать что-то по работе, то такие вещи бы взяли сразу. Или искали что-то определенное?

Не могу ответить на этот вопрос и продолжаю поиски. Начинаю с ящиков. Верхний открывается легко. Внутри — мусор: скрепки, старые чеки, пачки сигарет, зажигалки. Ничего полезного. Второй ящик тоже полон бумаги: счета, контракты, распечатки интервью. Здесь все аккуратно сложено.

«Да уж, Хоа, расставил приоритеты», — усмехаюсь я.

Третий ящик заедает. Приходится дернуть ручку сильнее. Металл скрежешет, словно сопротивляется. Внутри, кажется, пусто, если не считать слоя пыли. Провожу рукой по внутренней стенке, ощупывая дерево, и натываются на неровность в углу. Скотч.

Поддеваю ногтем. Отклеиваю небольшой черный конверт, прилипший к днищу. Внутри — флешка. Никаких опознавательных знаков. Просто черный пластик.

Сжимаю ее в ладони. Сердце тут же бьется чаще.

И зачем-то оглядываю комнату еще раз. Теперь вижу следы, которых не заметила сначала. Книги на полке сдвинуты. Ковер у стола чуть завернут. Кто-то искал что-то до меня. Или сам Хоакин пытался спрятать это в спешке, понимая, что времени нет? Может, вторжения действительно не было? Но Хоакин его опасался и сам спрятал флешку? Поэтому подобный бардак кажется Кларе чужим?

Кладу флешку в карман джинсов и задвигаю ящик.

¹¹ «Хранители», серия супергеройских комиксов, созданных сценаристом А. Муром и художником Д. Гиббонсом.

У журналистов всегда есть копия информации. Какая-то подстраховка. И Хоакин явно понимает опасность расследования.

Выхожу из комнаты, слышу шум. Клара все еще что-то делает. Решаю больше не нервировать ее и вызываю такси до дома.

Флешка будто бы жжет карман изнутри, но я старательно это игнорирую. Смотрю в окно такси, наблюдая, как меняется город. Мы спускаемся с холмов Энгативы вниз, к югу.

Водитель молчит. Изредка оценивающе поглядывает на меня через зеркало заднего вида. Возможно, заметил, как я прижимаю руку к карману, будто защищаю что-то хрупкое и опасное. Убираю ее, скрещиваю руки на груди. Нельзя показывать страх. В Боготе страх — это запах крови для акулы.

Поездка тянется невыносимо долго. Каждый светофор, будто издевается. Но мы доезжаем. Такси замедляется у знакомого подъезда

— Приехали, сеньорита, — говорит водитель. Голос нейтральный.

— Спасибо.

Выхожу. Дождь почти прекратился, оставив после себя лишь морось, которая липнет к лицу. Приходит уведомление о списании денег за поездку, жду, пока машина уедет, вдыхаю прохладный воздух. Огни фар растворяются в темноте, и я остаюсь одна на пустой улице.

Где-то недалеко, как всегда, лает собака, шумит телевизор в открытом окне на первом этаже.

Иду к подъезду. Ключ уже в руке. Ноги сами несут меня, но не дохожу.

Вдруг слышу голоса. Мальчишеские. Смешок, обрывки фраз, звук чиркающей зажигалки.

Замираю. Инстинкт срывает быстрее мысли. Рука автоматически тянется к карману, где лежит флешка.

Вглядываюсь в темноту угла. Там крутится группа подростков. Пятеро или шестеро. Все в похожей мешковатой одежде, капюшонах или кепках, лиц не разобрать. Они просто стоят, слоняются без дела. Обычное явление для вечера в Боготе. Тем более в моем районе, где молодежи нечем себя занять. Но сегодня все начинает казаться иначе.

Хоакин. Статья. Тренированные подростки. Усаке. Суба.

Эти ребята выглядят, как обычные уличные парни. Широкие худи, капюшоны, сигареты. Но паранойя, официально набравшая силу после информации от Клары, шепчет другое.

А если это они?

А если они не просто курят, а ждут меня?

А если кто-то действительно был в квартире Хоакина, и теперь они следят за мной?

Сердце набирает ритм. Чувствую, как по спине бежит холодная струйка пота, несмотря на прохладу.

Один из них поворачивает голову в мою сторону. Я не вижу его глаз, но чувствую пронзительный взгляд.

Не паникуй. Ты здесь живешь. Ты своя.

Делаю глубокий вдох. В легких снова привычная тяжесть высоты.

Не ускоряя шаг, чтобы не выглядеть как жертва, иду дальше. Толкаю дверь.

За спиной слышу смех. Обычный, подростковый. Возможно, они просто смеются над моей осторожностью. Или над чем-то своим.

Захожу в подъезд. Темнота коридора поглощает меня. Только здесь, за железной дверью, я позволяю себе выдохнуть.

Это просто паранойя. Усталость. Страх за Хоакина.

Но рука все еще проверяет карман с чертовой флешкой.

Да уж, Сьерра, меньше недели в Боготе, а уже сходишь тут с ума...

Ноутбук включен уже минуты три, а я так и пялюсь на флешку, которую никак не решусь решить вставить. Драматизм, конечно, зашкаливает. Сижусь в темноте родительской гостиной, только экран отбрасывает синеватые блики на стены.

Наконец, вставляю. Щелчок пластика. Звук подключения устройства кажется оглушительным в тишине квартиры. На экране появляется значок диска. Назван просто: «Н». Без фантазии. Хоакин никогда не был поэтом в мелочах.

Открываю. Папки названы хаотично: «Аудио_01», «Скан_23», «Бар», «Законопроект_178». Никакой системы, только поток сознания человека, который боялся, что его убьют раньше, чем он успеет навести порядок.

Кликаю на текстовый файл «Бар».

Строки прыгают перед глазами. Заметки обрывочные, будто писались на бегу, одной рукой, пока другая держала кофе или сигарету.

«Встречи по вторникам. Задний зал. Владелец сотрудничает с сенатором? Проверить».

«Официант передавал конверты. Не деньги. Документы».

«Называют место «Убежище». Иронично для притона».

Переключаюсь на файл «Инструктор».

Здесь еще меньше конкретики. Только теории, соединенные стрелками и вопросительными знаками.

«Бывший военный? Уставные движения».

«Не наркотики. Идеология».

Чувствую, как нарастает раздражение. Это не расследование. Это черновик расследования. Хоакин был в процессе. Он собирал пазл, но не успел вставить последние куски.

Открываю файл про законопроект. Скан документа. Поправки к закону о молодежных спортивных организациях. На первый взгляд — скучная бюрократия. Гранты, финансирование секций, поддержка талантов. Но Хоакин оставил комментарий на полях, выделенный красным маркером в скане: «Отмывание через спорт. Легальный доступ к детям. Родительское согласие — формальность».

Вот оно. Звено цепи. Государственные деньги идут в частные карманы, а на выходе получают тренированные подростки, которые ломают кости журналистам в темных переулках. Все чисто. Все законно. На бумаге.

Но все это — лишь домыслы.

Домыслы человека, которого сейчас невозможно об этом расспросить.

Поэтому я удобнее усаживаюсь и начинаю делать то, что хорошо умею — устанавливать связи. Беру новый блокнот, выписываю туда все фамилии, названия законопроектов и погружаюсь в поиск.

Сан-Кристобаль, Богота

23 марта 2020 г

Прихожу в себя от боли в спине. Часы в углу ноутбука показывают третий час ночи. Позвоночник ноет, требуя разминки. С трудом разгибаюсь, суставы тихо хрустят. Кофе. Сейчас нужно только это.

И я бреду на кухню, прихватив свои записи. От экрана надо отдохнуть.

Страницы исписаны моим почерком — крупным, нервным, местами неразборчивым. Стрелки, кружки, вопросы со знаками препинания. Перечитываю то, что накопила за последние пять часов.

«Сенатор Веласкес.

«Бар «Убежище».

«Инструктор — позывной «Капитан» — армия? ESMAD?». Просто звание, не имеющие ничего общего с военной службой?¹²

Понимаю, что в поиске ответов наплодила лишь еще больше вопросов, и усмехаюсь. Это значит лишь одно — расследование официально началось.

Тем не менее ненадолго откладываю поиск и проверку информации и выезжаю к Хоакину. Нет еще и девяти утра, но плевать. Может, так даже лучше. В больнице будет меньше народу, медперсонал будет сговорчивее.

Выхожу из дома. Утро в Сан-Кристобале серое и вязкое. Воздух пахнет влажным бетоном и выхлопными газами просыпающихся автобусов. Люди спешат на работу. Обычная жизнь.

Добираюсь до больницы долго и нудно, собрав все утренние пробки, но все-таки оказываюсь на месте.

Вхожу внутрь. Здесь нет стерильной тишины частных клиник севера. В госпитале шумно, душно и пахнет хлоркой. В коридорах тесно: люди сидят на полу, на подоконниках, ждут новостей у дверей операционных. Санитары катят тележки, перекрикивая друг друга. Это живой организм, который дышит с трудом.

Подхожу к посту медсестер. За стойкой — женщина лет пятидесяти, с уставшим лицом и тяжелым взглядом. Она даже не смотрит на меня, продолжая перебирать какие-то бумаги.

— Здравствуйте! Мне нужна информация о пациенте, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, но не агрессивно. — Хоакин Арана-Фасио.

Медсестра даже не поднимает глаз.

— Только родственники. Первой линии. Супруги, родители, дети.

— Я его невеста, — вру я. — Меня зовут Сьерра. Меня не было в городе, я только прилетела.

Наконец, медсестра смотрит на меня. В ее взгляде нет сочувствия, только профессиональная усталость и скепсис. Она видела сотни таких «невест».

— Невеста — не жена, — отрезает медсестра.

— Понимаю, но... вы тоже поймите. Я прибежала сразу, как узнала. Клара, его сестра, снаружи, она... — я делаю паузу, будто подбирая слова, — ей плохо стало. Она не может зайти.

Медсестра вздыхает. Глубоко, шумно. Откидывается на спинку стула, который жалобно скрипит.

— Сеньорита, у нас правила. Но... — она оглядывается, видимо, слишком устала, чтобы спорить и что-то вбивает в компьютер. Коридор пуст, только санитар катит тележку в конце зала. — Состояние тяжелое. Коматозное. Черепно-мозговая, множественные переломы. Дышит сам, но слабо. Прогнозов никто не дает.

Кома. Я знала, что все плохо, но слышать это вслух — другое дело.

— Спасибо, — тихо говорю я.

Медсестра кивает, уже собираясь вернуться к своему экрану, но вдруг останавливается. Смотрит на меня странно. В ее глазах вспыхивает что-то человеческое, смешанное с любопытством.

— Вы правда невеста? — спрашивает она чуть тише.

— Да. А что?

— Просто... — она мнетя, поправляя воротник халата. — К нему тут ходит. Девушка.

Я напрягаюсь. Это уже что-то интересное. У Хоакина нет времени на личную жизнь, только случайные связи.

— Какая девушка?

¹² У группировок Южной Америки есть иерархические ранги с четким распределением ролей — по сути, это «звания» в криминальном смысле. Иногда они совпадают с военными.

— Ну, не родственница. Одна приходит с его появления. Сидит подолгу. Врачи ворчат, но она будто... своя. — Медсестра хмыкает, и в этом звуке я улавливаю знакомую нотку. Женскую солидарность, смешанную с осуждением. — Вы уж простите, если что. Все эти мужики...

Внутри у меня все сжимается.

В медсестре взыграл какой-то триггер. Усталая женщина, видящая чужую боль каждый день, вдруг решила стать хранительницей морали. Или просто ей хочется сплетен, чтобы разбавить серую рутину смен. Я вижу шанс. Если я начну давить как журналист, она закроется. Если я сыграю на эмоциях — она откроется.

Меняю выражение лица. Расслабляю плечи, будто меня ударили под дых. Добавляю в глаза боли, смешанной с гневом. Губы слегка дрожат.

— Одна? — переспрашиваю я, и голос предательски срывается на шепот. — Вы уверены?

Медсестра оживает. Ей нравится, что она обладает информацией, которая важна. Она чувствует себя полезной, значимой в этом хаосе.

— Видела своими глазами, — кивает она, понижая голос, будто мы делим государственный секрет. — Молодая. Симпатичная. Темные волосы, до плеч. Всегда в капюшоне, но однажды сняла, когда жарко стало.

Делаю шаг ближе к стойке, опираясь на нее локтями. Теперь я не посетитель. Я сообщница.

— И как она себя ведет? — спрашиваю, стараясь, чтобы в голосе звучала ревность, а не вопрос. — Он... он ей что-то говорил?

— Он без сознания, сеньорита, — медсестра закатывает глаза, но тут же смягчается. — Но она сидит рядом. Говорит сама. Иногда плачет. И... — она заминается, оглядываясь на коридор. — Она спрашивала про его вещи. Про телефон. Про сумку.

Холодок пробегает по спине. Телефон. Сумка. Именно там могли быть заметки, которые не попали на флешку. Или она искала то, что уже забрали?

Кто эта женщина? Информатор? Друг? Враг?

— Вы не знаете, как ее зовут? — я смотрю на медсестру взглядом загнанного зверя. — Пожалуйста. Мне нужно знать... вдруг она знает что-то о том, кто навредил ему? Или... — вспоминаю версию с ревнивой невестой, — вдруг это все из-за этой сучки? Охх, Хоа... Он же клялся мне! Скотина! Но... вдруг это ее муж или парень? Или ревнивый бывший?

Медсестра сочувственно кивает, и в ее глазах теперь читается не просто любопытство, а настоящее участие. Мы уже не посетитель и персонал. Мы две женщины, обсуждающие непутевого мужика. Это именно та связь, которая мне нужна.

— Понимаете, сеньорита, — наклоняется она ближе, понижая голос до шепота. — Мне тоже так показалось. Она какая-то... дерганая. Смотрит по сторонам. И когда полиция пришла, она сразу вышла. Испарилась.

— Испарилась? То есть сбежала? — переспрашиваю я, и в моем голосе звучит искреннее удивление, которое медсестра ошибочно принимает за ревнивую догадливость.

— Да. Чтобы не встречаться с ними. Вот я и думаю... Может, она знает, кто это сделал? Или боится, что спрут лишнего?

Я киваю, будто соглашаясь с ее житейской мудростью, хотя внутри каждый нейрон работает на обработку информации. Избегание полиции. Это не просто любовница. Это кто-то, кто находится под угрозой. Или кто-то, кто прячет улики.

— Вы не запомнили, когда она обычно приходит? — спрашиваю я, стараясь звучать так, будто хочу подстеречь эту «сучку» у входа.

— Вечером. После шести. Когда смена меняется. — Медсестра барабанит пальцами по столу. — И еще... Она называла имя. Когда регистрировалась в первый раз. Я видела в журнале. Сердце ускоряется. Вот оно. Золотая жила.

— Какое имя? — я впииваюсь в нее взглядом.

— Валерия. Валерия... что-то там. Фамилию не помню. И почерк у нее неразборчивый. Рука дрожала.

Валерия. Имя ничего мне не говорит. Да и вряд ли настоящее. Но любая информация лишней не будет.

Благодарю медсестру, отхожу от стойки, прежде чем она заметит, как быстро меняется мое выражение лица. Как только я оказываюсь в тени колонны, маска падает. Никакой боли, никакой ревности.

Валерия. Приходит после шести. Избегает полиции.

Это не любовница. Это либо информатор, который понял, что зашел слишком далеко, либо кто-то из группы, которая должна была забрать материалы у Хоакина.

И сегодня я попробую выяснить больше.

Глава 4.

На часах начало пятого. Возвращаюсь в госпиталь, занимаю удобную позицию в углу коридора и начинаю изучать поток посетителей. Лица сливаются в одно серое пятно, и я ловлю себя на мысли, что занимаюсь самой настоящей охотой за призраком. Помнится, в детстве, я обожала этот фильм. С неменьшим удовольствием пересматривала мультфильм, где приведения засасывало в специальные ловушки. И сейчас бы я с удовольствием воспользовалась таким пылесосом. Чтобы он просто вытянул из толпы эту Валерию, а я могла спокойно, без беготни и маскировок, задать ей пару вопросов.

Но мне приходится лишь запастись терпением и сидеть. Спина затекает, ноги деревенеют от неподвижности. Я сливаюсь с интерьером: еще одна уставшая родственница в темной одежде, ожидающая чуда или приговора.

К шести часам поток людей меняется. Дневные посетители начинают расходиться, их места занимают те, кто приходит после работы. Свет в коридоре становится тусклее, лампы гудят настойчивее. Именно в это время, когда медработники начинают пересменку и на посту остается минимум людей, она появляется.

Я замечаю ее краем глаза. Девушка. Темные волосы до плеч, выбиваются из-под капюшона серой толстовки. На плече — большая сумка-шоппер, слишком объемная для простого визита. Она не подходит к регистрации. Не спрашивает дорогу. Сразу сворачивает к лестнице, ведущей на второй этаж, туда, где расположена реанимация.

Но перед тем как скрыться за дверью, она останавливается. Оглядывается. Быстро, нервно, как загнанный зверь. Ее взгляд скользит по лицам сидящих и вдруг останавливается на мне. Я тоже пялюсь на нее, не зная, как лучше поступить. И чем дольше мы играем в гляделки, тем сильнее у меня складывается впечатление, что эта Валерия знает меня.

Неожиданный поворот. Она смотрит так удивленно, словно увидела чертового призрака.

И тут происходит то, чего я не ожидаю совсем: Валерия кивает в сторону, мол, следуй за мной.

Поднимаюсь и иду, успокаивая себя мыслью, что вряд ли эта хрупкая девушка проломила череп Хоакина. Ее руки дрожат, даже когда она просто держит лямку сумки. У нее глаза жертвы, а не палача. Но в Божьей внешности обманчива чаще, чем правда.

Она не поднимается на второй этаж к реанимации. Вместо этого толкает тяжелую металлическую дверь пожарной лестницы. Петли скрипят, звук режет уши, но в шумном коридоре его никто не замечает. Она придерживает дверь, ждет, пока я подойду.

Во дворе пахнет сыростью и сигаретным дымом. Здесь нет камер. Идеальное место для разговора, который не должен состояться. Или для засады.

— Ты Сьерра? — сразу спрашивает она, как только дверь захлопывается, отрезая нас от больничного гула.

Голос тихий, немного грубоватый для девушки.

— Зависит от того, кто спрашивает, — отвечаю я, оставаясь на ступеньку выше. Чтобы видеть ее лицо сверху вниз. Психологическое преимущество, пусть и иллюзорное.

— Хоакин говорил о тебе, — она делает шаг назад, прижимаясь спиной к бетонной стене. — И я видела фото с тобой у него дома. Надеялась, что ты придешь навестить его. И, наконец, пришла!

И тут все мое преимущество рассыпалось от удара информацией. Кажется, охотник в моем лице внезапно стал добычей. Хоакин пускал ее домой. Может, поэтому Клара чувствовала чужого в квартире?

Валерия не ждет моих вопросов. Она начинает говорить, и слова вылетают из нее пулеметной очередью, сбивчиво, глотая окончания.

— Я не могу больше здесь оставаться, ты понимаешь? После того, что случилось... я видела, как его увозили. Кровь повсюду. Они знали, где он будет. У меня есть возможность уехать. Тетя в Кали зовет, говорит, нужна помощь с магазином. Это идеальный предлог. Я просто откажусь от работы. И просто уеду. Завтра. Или даже сегодня ночью. Зачем мне оставаться? Хоакин все равно в больнице, он не придет в себя скоро, а я... я просто не знаю... О чем я только думала, соглашаясь?

Она тараторит, жестикулируя свободной рукой, будто отгоняя мух. Я ловлю отдельные обрывки: «уюду», «боюсь», «магазин». Слишком много информации, слишком мало структуры. Паника делает ее бесполезной для меня прямо сейчас. Кроме того, кажется, Валерия ждала кого-то, кому могла бы все это выговорить. И хорошо для меня, и плохо...

— Стоп, — жестко говорю я, повышая голос. — Валерия. Стоп.

Она замолкает на полуслове, испуганно хлопая глазами. Ее грудь ходит ходуном. Не поправляет имя. Не удивляется, что я его знаю.

— Ты говоришь слишком быстро, — я делаю шаг вниз, сокращая дистанцию, но голос стараюсь держать ровным, успокаивающим. — Я не понимаю ни черта. Выдохни.

Валерия слушается, словно ребенок. Вдыхает глубоко, дрожащими пальцами поправляет капюшон.

— Расскажи все по порядку, — прошу я, глядя ей прямо в глаза. — Не про тетю и магазин. Расскажи, кто ты для Хоакина. И что ты видела в ночь нападения. Про какую работу говоришь?

Валерия опускает взгляд на свои кроссовки. Потом снова на меня. В ее глазах борьба: между желанием ответить и первобытным страхом.

Ее паника начинает передаваться мне, но я беру себя в руки:

— Ты ведь ждала меня тут, — с нажимом произношу я.

Давай же, Валерия, не сворачивай на половине пути...

— Да, но... — голос срывается. Она шумно выдыхает, будто пыталась удержать воздух в легких слишком долго. Плечи опускаются, словно она сбрасывает невидимый груз.

Я не отвожу взгляда. Молчаливое давление работает лучше вопросов. Я даю ей понять: назад дороги нет. Сейчас она либо расскажет мне все, либо уедет в Кали с чувством вины, которое будет съедать ее хуже любой угрозы.

— В Лос-Мартирес¹³ есть бар, — наконец выдавливает она, глядя куда-то поверх моего плеча. — Я должна была там работать. Администратором. Помогать одной девушке с текучкой. Закупки, наличка, графики...

Я киваю. Лицо каменное, хотя внутри все сжимается в тугий узел. Лос-Мартирес. Центр города. Гнилое сердце Боготы.

— Но... — она теряется, виновато смотрит на свои руки, сжимающие лямку сумки. — Я понимала, чье это место. Под кем там ходят. Думала, смогу просто закрывать глаза. Делать вид, что не вижу, кто заходит через черный ход. Всех этих детей. Не смогла.

Она делает паузу, сглатывает, будто слова царапают горло.

— Тогда я и наткнулась на Хоакина. Случайно. Он убедил меня рассказать все как есть. Про бар. Про людей. Про подростков, которые там постоянно находятся. Верил, что сможет написать громкий материал про это. — Ее голос становится совсем тихим. — Но они узнали.

В этот момент в ее взгляде вспыхивает настоящий животный ужас. Валерия всхлипывает, прикрывая рот ладонью, но я вижу не только страх. Я вижу ложь. Или, по крайней мере, недосказанность. В этой истории есть изъян, который режет глаз, как свежая царапина на лице.

¹³ Лос-Мартирес в Боготе считается неблагоприятным. Он расположен в центральной и южной части города и характеризуется как бедный и опасный. В этом районе есть серьезные проблемы с преступностью, развита проституция, часто происходят ограбления.

— До тебя бы тоже добрались, если бы узнали, — уверенно произношу я, не давая ей времени на передышку. — Если они знают, что ты говорила с Хоакином, ты была бы следующей. Телом в больнице. Или трупом в канаве. А ты ходишь сюда. Открыто.

Валерия замирает, будто я только что зарядила ей пощечину. Воздух в лестничном пролете становится тяжелым, статичным. Теперь в ее глазах не просто страх за свою жизнь. Там паника разоблачения.

— И зачем так рисковать? — продолжаю я, наступая. — Зачем ходить к человеку, который уже ничего не скажет, и подставлять себя? Чтобы проверить, не очнулся ли он? Или чтобы убедиться, что он не расскажет лишнего, если придет в себя?

Кажется, я задала правильный вопрос. Даже больше — кажется, я уже знаю ответ. Пазл складывается слишком ровно. Бар. Информатор. Нападение. Выживший свидетель.

— Ты рассказала о нем, — говорю я. Уже не спрашиваю. Констатирую. Тон слишком обвинительный, слишком жесткий, но мне плевать. — Ты отдала его им, чтобы спасти себя.

Валерия отшатывается от стены, будто от меня исходит жар. Ее лицо бледнеет еще сильнее, если это возможно. Она открывает рот, чтобы возразить, но звука нет. Только тихий, сдавленный стон. И в этом молчании — признание.

— И теперь не можешь жить сама с собой, — продолжаю я, вбивая последний гвоздь в ее хрупкие оправдания.

Валерия молчит. Опустив голову, она кажется еще меньше, чем есть на самом деле. Смотрит в пол, будто там можно найти ответ, который спасет ее душу.

Я же... тоже теряюсь. Не знаю, как продолжить этот диалог. Да и какие слова тут будут уместны? Что я могу сказать ей такого, чего она сама не знает о себе? Обвинять? Прощать? В этом бетонном колодце лестницы наши моральные дилеммы кажутся роскошью.

— Все вышло из-под контроля, — произносит она, наконец. Голос еле слышен. — Ты же знаешь... Ты знаешь, кто на самом деле владеет этой страной. Я... я притворилась, что выяснила, кто он и... все рассказала.

К сожалению, действительно знаю. Понимаю слишком хорошо.

Валерия была бы полной дурой, если бы не боялась. Страх в этой стране — не слабость, а инстинкт выживания. То, что творят эти бандиты... Попытки, исчезновения, безымянные могилы в пригородах. Это не страшилки для туристов. Это наша реальность. Легенды криминальных кругов, написанные кровью обычных людей.

Я смотрю на ее дрожащие руки и понимаю: она не злодейка. Она просто испуганная девочка, у которой не получилось стать героем. Которая попыталась выжить любой ценой. Но цена ее выживания — жизнь Хоакина. И это меняет все. Понимание не приносит облегчения.

Вздыхаю, чувствуя вкус пыли и безысходности. Снова прокручиваю наш диалог в голове, цепляясь за детали, как утопающий за соломинку. И вдруг застреваю на ее словах о работе. Бар. Доступ. Люди.

— А ты можешь рекомендовать меня на свое место? — спрашиваю я. Вопрос вырывается неожиданно даже для меня самой.

Валерия смотрит на меня, как на сумасшедшую. И это вполне оправданно. Я и сама себе сейчас кажусь ненормальной. Но, наверное, в этом и есть главное отличие таких журналистов, как я. Как Хоакин. Мы все немного безумны. Иначе в такой работе нельзя. Нельзя оставаться нормальным, когда вокруг столько гнили, и при этом ждать, что мир станет лучше от твоих статей.

Тем более сейчас, когда дело уже не только в правде. Мне нужно завершить дело Хоакина. Войти туда. Узнать все. Даже если для этого придется занять место того, кто его предал.

Глава 5.

Лос-Мартирес, Богота

25 марта 2020 г

... — Это безумие, — выдыхает Валерия. В ее голосе звучит неподдельный ужас.

— Нет, — твердо отвечаю я. Хотя, если честно, ее вердикт звучит куда разумнее моего плана. — Ты должна Хоакину. Это единственный способ хоть как-то искупить вину. Ты представишь меня как свою замену и спокойно уезжаешь. Несколько лет я жила в Европе. По профессии не работала. Для них я просто вернувшаяся эмигрантка, которой нужны деньги. Идеальная кандидатура. Проблем не должно возникнуть.

Я убеждаю не только Валерию. В первую очередь — себя. Это, пожалуй, самое большое мое безумие за всю жизнь. Влезать в логово тех, кто едва не убил моего друга. Но внутри что-то кричит, что я не могу стоять в стороне. Не сейчас.

— Надо только продумать легенду, — говорю я, переключаясь на режим работы. — Чтобы не было никаких различий...

Тогда, в разговоре с Валерией, когда эта мысль только посетила меня, план казался менее безумным. Но сейчас я стою напротив бара, через улицу, и чувствую ужас просто от энергетики этого места.

Лос-Мартирес всегда жил своей жизнью. Здесь время застыло где-то между колониальной эпохой и современными разборками. Узкие улицы, брусчатка, выбитая грузовиками, здания с облупившейся штукатуркой, где за каждым окном может скрываться дуло.

Бар называется «Ла Эскина». Уголок. Ироничное название для места, которое находится на перекрестке всех темных путей города. Фасад выглядит так себе. Кирпичная кладка почернела от времени и выхлопных газов. Единственное окно затянуто плотными шторами изнутри, хотя на улице еще светло. Над дверью мигает неоновая вывеска с названием, одна буква «L» перегорела, так что читается как «а Эскина». Звучит как диагноз.

Дверь массивная, металлическая, с глазком. Рядом — камера наблюдения. Она не замаскирована. Висит открыто, напоминая: мы видим тебя. Ты уже под прицелом.

Ветер поднимает пыль с мостовой. Мимо проходит мужчина в спортивном костюме, внимательно смотрит на меня. Я отвожу взгляд, делаю вид, что проверяю телефон. Сердце колотится где-то в горле. Но назад пути нет. И я перехожу улицу.

Дверь поддается не сразу. Внутри царит полумрак, витает табачный дым. Глаза привыкают медленно. После яркого дневного света улицы помещение кажется погруженным в вечные сумерки. Воздух вязкий. Пахнет жареной курицей, пивом, кофе и едким табаком. Здесь нет запаха пыли или затхлости, но и стерильностью не пахнет. Чувствуется рука уборщицы: полы подметены, столы протерты, но лак на столешницах местами содран до дерева, а винил на стульях потрескался от времени. Здесь время не застыло, оно течет лениво, как патока.

Интерьер простой, без претензий. Вдоль стен — ряды деревянных столов и стульев с мягкими сиденьями, которые видали лучшие времена. На полу — обычная плитка, местами потрескавшаяся, но относительно чистая. В углу работает старый кондиционер, шумно гудит и плюется холодным воздухом. По телевизору в углу без звука показывают футбол, картинки мелькают, освещая лица посетителей синеватым светом. Музыка играет тихо, какая-то сальса, ритмичная, но заезженная, создающая фон для разговоров.

Барная стойка тянется вдоль дальней стены. Дерево темное, потемневшее от времени и тысяч локтей. За ней — мужчина за тридцать. Широкоплечий, с короткой стрижкой и шрамом, пересекающим левую бровь. Он протирает бокал тряпкой. Его взгляд направлен на меня. Этот человек видел, как я вошла. Теперь он следит за мной, за каждым шагом к нему, а я чувствую липкий страх от его взгляда.

... Коридор реанимации кажется бесконечным туннелем. Свет ламп здесь слишком яркий, болезненно белый. Я иду по линолеуму, стараясь ступать бесшумно. Пост медсестер справа. Женщина в белом халате что-то яростно объясняет другой, тыча в карту. Они стоят спиной ко мне. Это мой шанс. Просто прохожу мимо, опустив взгляд, будто я здесь работаю и имею право быть в этой зоне. В Божете уверенность открывает большие двери, чем ключи.

Дверь в палату тяжелая, с маленьким квадратным стеклом. Толкаю ее плечом. Внутри воздух другой. Пахнет хлоркой, железом и чем-то сладковатым, медицинским.

Первое, что вижу — это аппараты. Стойка с капельницами, монитор с зелеными ломаными линиями, дыхательная трубка, уходящая в горло и приклеенная пластырем к коже, покрытой синяками.

Второе — это Хоакин.

Он лежит на кровати и выглядит будто меньше. Сломанным. Лицо отекает, покрытое сине-фиолетовыми пятнами гематом. Левый глаз заплыл полностью, правый прикрыт коркой. На голове — бинты, местами просачивается желтоватая сукровица.

Руки лежат поверх одеяла. На правой — гипс. На левой — пульсоксиметр, мигающий красным огоньком в такт механическому писку.

Я подхожу ближе.

— Хоа, — шепчу, не могу сдержать вздох.

Тишина. Только аппарат делает вдох за него.

Шши-ух. Шши-ух.

Протягиваю руку, касаюсь его пальцев. Они холодные. Слишком холодные для живого человека. Кожа сухая, шершавая, будто жизнь уже начала покидать его тело.

И мне становится еще страшнее...

Замираю у стойки и силой воли отгоняю воспоминания. Они слишком живые, слишком болезненные. Нельзя думать о Хоакине сейчас. Нужно помнить, зачем я здесь.

Стараюсь выдержать взгляд мужчины со шрамом, не моргая. Заговариваю первой, молясь, чтобы голос не дрогнул:

— Добрый день. Я по поводу работы.

Он медленно опускает бокал на стойку. Его взгляд становится тяжелее, внимательнее. Мне стоит огромных усилий не отвести глаза. Несколько долгих, тягучих секунд он изучает меня, будто взвешивает. Наконец, он поворачивает голову и громко зовет какую-то Пилар.

Так... Женщина. Это хорошо. Валерия упоминала, что будет помогать какой-то девушке.

Занимаю место за стойкой, сумку устраиваю на коленях. Будь это нормальное собеседование, я бы уже достала резюме, репетировала самопрезентацию. Но в ожидании этой Пилар могу думать только об ужасах, творимых за этими стенами. Если верить записям Хоакина и словам Валерии, это сердце операции. Место, где подростки получают задания или отдыхают после «дел». Неужели я добровольно согласилась остаться здесь совсем одна?

От развития этой тревожной мысли меня спасает шум открывшейся двери. Я не строила фантазий, как должна выглядеть девушка здесь, но Пилар удивляет. Ей лет двадцать, не больше. Точеная фигура, подчеркнутая узкими джинсами и коротким топом. Длинные черные волосы, пухлые губы. Несколько секунд я просто смотрю на нее, представляя, какой фурор такая красotka производит на местных клиентов.

— Спасибо, Кэп, — говорит она с улыбкой, обращаясь к бармену.

Кэп? Капитан? Тот самый «Капитан» из записей Хоакина?

Успокойся, Сьерра. Ты никак не должна реагировать на это обращение!

— Привет, я Пилар. А ты... видимо, Сьерра, — продолжает она, выходя из-за стойки.

Ее голос приятный, мягкий, чисто девчачий. И у меня внутри все переворачивается от этого контраста. Невозможно совместить эту кукольную внешность, этот голос с тем грязным делом, которым они здесь занимаются. Встаю. Улыбаюсь. Протягиваю ей руку.

— Да, приятно познакомиться, Пилар, — отвечаю я, пытаюсь считать хоть что-то в ее глазах. Но там только веселые искорки.

Кто она? Чья-то дочь? Любовница босса? Или просто менеджер этого ада? У нее явно есть крыша, раз она чувствует себя в этом логове так свободно, словно в собственном кафе на районе. Ее уверенность завораживает. Пилар дарит мне еще одну ослепительную улыбку и жестом указывает на столик в углу, приглашая следовать за ней. Ее движения легки, игривы, бедра покачиваются в ритм музыке.

Иду за ней, стараясь не смотреть по сторонам. Присаживаюсь на жесткий стул, лихорадочно пытаюсь придумать новую модель поведения. Быть скромной? Быть дерзкой? Но все попытки выстроить стратегию проваливаются, когда я замечаю в ее руке колоду карт таро. Она ловко тасует их, и они веером раскладываются на лакированной поверхности стола.

— Вытяни одну, — тут же просит Пилар. Голос все тот же, сладкий, но в нем звучит нотка игры. — На удачу.

Таро? Seriously?

Смотрю на рубашки карт. Они потертые, засаленные. Пилар явно часто пользуется ими.

Протягиваю руку. Пальцы слегка дрожат, но я заставляю их замереть. Выбираю наугад. Вытягиваю. И тут же, повинувшись жесту Пилар, кладу карту на стол рубашкой вверх. Я не вижу, что там изображено.

Пилар наклоняется, приподнимает уголок карты одним ногтем. Смотрит.

Ее лицо меняется. Она смеется. Звонко, искренне.

— О, вот это да! — она поднимает на меня сияющие глаза. — Ну ты и счастливица, Сьерра. Редкий выбор.

Пилар не показывает мне карту. Быстро прячет ее обратно в колоду и ловким движением собирает карты в стопку.

— Что там было? — не выдерживаю я.

— Секрет, — Пилар подмигивает. — Если расскажу, удача уйдет. Но скажу так: тебе у нас понравится. Мы любим таких, как ты. Решительных.

Облегчение накатывает волной, но я не показываю виду. Киваю, принимая правила игры. Не самое страшное, что могло тут произойти.

— Я просто ищу работу, Пилар. Надежную. Мне нужны деньги.

— Работа будет, — она становится чуть серьезнее, но улыбка не сходит с губ. — Но запомни главное правило, Сьерра. — Она наклоняется ближе, и я чувствую запах ее духов — сладких, тяжелых, с ноткой жасмина. — Ты здесь глаза и уши. Не рот. Видишь что-то странное — говоришь мне. Видишь полицию — говоришь мне. Видишь, как кто-то из наших лишнее говорит — тоже мне. Поняла? Мы тут семья. А семью надо беречь.

— Поняла.

— Хорошая девочка. — Она встает, поправляет топ. — Оставайся сегодня. Скоро будут приходить гости. Посмотришь. Я все тебе покажу. Договоримся об оплате.

Она уходит и машет мне на прощание рукой. Колоды карт нет, но ощущение игры осталось. Я не знаю, какую карту вытянула. Да и это, наверное, уже не имеет значения. Остаюсь одна за столиком и до конца не догоняю реальность. И это все собеседование? Seriously?

Интуиция орет, что есть какой-то подвох. Но... мысли тут же возвращаются к другому. К тому, что уже этой ночью я смогу посмотреть, что происходит в этом месте.

Ужас овладевает мной медленно, но неотвратимо. Сначала это просто холодок вдоль позвоночника, потом — тяжелый камень в желудке. Я стою не за стойкой, а сижу рядом с

Пилар, у ее столика в углу, который служит ей своеобразным командным пунктом. Слушаю инструктаж, и невольно восхищаюсь изменениями в ней.

Та игривая девчонка, что гадала мне на картах, исчезла. Пилар знает каждого входящего, кивает одним, игнорирует других, ее взгляд скользит по залу как сканер.

А людей становится все больше. Парни в спортивных костюмах, мужчины в дорогих куртках, несколько подростков, которые выглядят слишком взрослыми для своих лет. Они не шумят, не заказывают еду, а просто занимают угловые столики, тихо переговариваются.

Запоминаю. И понимаю, что глазеть на них нельзя. Ни на кого нельзя. Даже в первый день нельзя все списать на любопытство. В таких местах — это самый опасный порок.

Пилар говорит о документах, заказах, поставках. Даже такому значному месту нужна рутинная административная работа. Киваю, делая вид, что запоминаю графики поставок алкоголя, но мыслями совершенно далеко от этого.

Вдруг Пилар обрывает себя на полуслове, будто вспоминает что-то важное. Ее лицо озаряет искренняя, почти детская радость.

— Вирхилито! — восклицает она и почти бежит навстречу вошедшему.

Я не сразу разглядываю его в полумраке. Мужчина. Лет тридцать. Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и двухдневной щетиной. Черная футболка в обтяжку подчеркивает рельеф мышц. Он двигается тяжело, уверенно. Пилар смачно чмокает его в щеку. Он отвечает сдержанным объятием. Его взгляд скользит по залу, оценивая обстановку, и только потом останавливается на мне.

Так. Видимо, это кто-то из тех, благодаря кому она чувствует себя здесь в безопасности. Кто-то из своих. Кто-то важный.

— Сьерра, познакомься. Мой брат — Вирхилио, — представляет она, повернувшись ко мне. — А это моя новая помощница — Сьерра.

Натягиваю улыбку, поднимаюсь из-за столика и протягиваю руку. Вирхилио медлит. Его темные глаза изучают меня пару секунд, прежде чем он отвечает на рукопожатие. Ладонь жесткая, горячая и сухая. Вирхилио не говорит ни слова. Просто кивает.

— Я сегодня задержусь, — продолжает Пилар, обращаясь к брату, будто его молчание — норма. — Не могу же я оставить ее тут одну в первый день. Вдруг что-то пойдет не так.

Вирхилио снова кивает. Никаких возражений. Никаких вопросов. Только тяжелое присутствие, заполняющее пространство вокруг нас.

Он излучает тяжелую, давящую энергетику. Это не просто физическая сила, хотя мышцы под футболкой явно достаточно, чтобы сломать кого-нибудь пополам. Это нечто иное. Ощущение хищника, знающего, что клетка открыта и он в любой момент может выйти и напасть. Чувствую, как инстинкт самосохранения требует сжаться, стать меньше, незаметнее, слиться с обоями. Вирхилио не говорит, но его молчание звучит громче любых угроз.

Пилар, кажется, не замечает этого напряжения. Или просто привыкла к нему. Она болтает, поправляя прядь волос, явно соскучившись по брату. Отсутствовал какое-то время?

— Кстати, Кэп тебя спрашивал, — небрежно бросает она. — Говорил, что есть какая-то проблема. Достал вопросами о тебе. Говорю ему: «позвони уже и спроси сам».

В этот момент Вирхилио снова смотрит на меня. Короткий, резкий взгляд. В нем нет открытой злости, но есть четкое предупреждение: «Ты не должна это слушать». Он чуть заметно хмурится, глядя на сестру, словно немой укор за неосторожность. Зачем обсуждать дела при новой сотруднице, которую они видят первый час?

Но Пилар будто не замечает этого выговора. Она просто машет рукой, улыбаясь мне извиняющейся улыбкой.

— Ладно, разберусь, — говорит Вирхилио. Голос низкий, глухой, будто идет из глубины груди. — Буду у себя. Набери, когда закончишь.

Он поворачивается и идет к задней комнате. Только сейчас через открытую дверь замечаю занавеску из бусин. Его шаги не слышны, но я чувствую вибрацию каждого движения.

— Не обращай внимания, — шепчет Пилар, когда Вирхилио исчезает из поля зрения. — Он всегда такой. Сама серьезность.

— Я поняла, — тихо отвечаю я.

И знаю: это не серьезность. Это осторожность.

— Так, ладно, на чем мы остановились? — вспоминает Пилар, забавно хмурясь. — Ааа. Пошли, я покажу тебе склад.

Иду за ней по узкому коридору, и вдруг чувствую на себе тяжелый взгляд. Он физически ощутим, как прикосновение горячей ладони между лопаток. Я не оборачиваюсь. Инстинкт кричит не делать резких движений. Но ощущение не исчезает, даже когда мы проходим за угол, туда, где занавеска из бусин скрывает кабинет Вирхилио.

Он смотрит. Через стену. Через закрытую дверь. Через камеры, которые тут наверняка есть.

Вирхилио что-то решает в этом заведении. Не зря Кэп спрашивал о нем.

Это не паранойя. В таких местах воздух меняется, когда на тебя нацеливаются. Я чувствую, как затылок начинает покалывать. Каждый волосок на теле стоит дыбом. Это проверка. Он хочет увидеть, буду ли я осматриваться. Проверит мою нервную систему. Или просто сканирует новичка. В таких местах решают не карты таро. Вирхилио явно будет ко мне присматриваться. Если я дернусь — значит, боюсь. Если боюсь — значит, есть что скрывать.

Узнать бы теперь, какое положение он тут занимает...

— Здесь у нас запас алкоголя, если с поставками проблемы, — голос Пилар звучит словно издалека. Она открывает дверь склада, свет вспыхивает резко, больно бьет по глазам. — Или какие-то непредвиденные вечеринки. В общем, если возникает острая необходимость, то берем отсюда. Трезвые посетители хуже пьяных порой.

На складе тесно. Стеллажи упираются в низкий потолок, ломятся от коробок с виски, ромом и текилой. Воздух спертый, пахнет картоном и пылью. Лампа под потолком моргает, создавая нервную пульсацию теней.

Мой взгляд скользит по полкам, автоматически фиксируя детали. Инвентарь, сроки годности, расположение ящиков.

Все еще чувствую камеру. Маленький черный купол в углу под потолком. Красный глаз индикатора горит ровно. Не смотрю на него напрямую. Опускаю взгляд на свои ботинки.

Хорошо. Пусть смотрит. Пусть видит послушную девочку из Европы, которая боится потерять работу.

А я буду смотреть в ответ.

И получу ответы на все свои вопросы.

Глава 6.

Лос-Мартирес, Богота

30 марта 2020 г

— Давай, выбери карту, — просит Пилар, ловко раскладывая колоду веером на стойке.

Забавно, но за почти неделю работы в баре я уже привыкла к этому ритуалу. Пилар постоянно тасует карты, гадает себе и другим, всматривается в арканы, будто настоящая гадалка. Но сегодня она впервые после собеседования снова протягивает колоду мне.

От этого внутри все сжимается. Ее подход к найму так и не перестал казаться мне подозрительным. Но больше всего меня угнетает другое: я не могу избавиться от чувства, что Вирхилио, зная про чудачества сестры, все это время следит за мной. Проверяет. И от этого стараюсь действовать максимально осторожно. По легенде, которую рассказала Валерии.

Скромная простая девушка, которой нужны деньги. У которой не получилось начать новую жизнь в Испании.

Я выбираю карту.

— Смотри, — тут же говорит Пилар, указывая на изображение длинным бордовым ногтем. — Хорошая карта. Очень добрый знак для тебя.

На карте изображена женщина, стоящая на коленях под ночным небом, усыпанным огнями. Она льет воду из двух кувшинов. Звезда.

Я смотрю на рисунок, но не вкладываю в него смысла. Для меня это просто картон с типографской краской. Для нее — послание свыше. И пусть не происходит ничего страшного, работа протекает спокойно, я не могу избавиться от ощущения, что заперта в тесной клетке.

Что стены сжимаются.

Что сложно дышать полной грудью.

Что этот бар — чертова ловушка для меня.

— И какое у этой карты значение? — спрашиваю, стараясь звучать заинтересованно, и отгоняю тревожные мысли.

— Все сложится, — Пилар собирает остальные карты в колоду, но не убирает ее. — Надежда, вдохновение. Путь освещен. — Она делает паузу, затем небрежно добавляет: — И пора мне тоже признаться. Я не просто так искала помощницу. Учусь на сценариста. Проекты горят, мне нужно сосредоточиться, — продолжает она, опираясь бедром о стойку. — Поэтому сегодня и некоторые другие дни ты будешь работать одна. Вечерние смены.

Так вот к чему этот перформанс с картами. У меня внутри вспыхивает легкая паника. Холодная игла вонзается под ребра. Одна? Без нее? Это значит больше ответственности, больше внимания со стороны клиентов. Если я ошибусь, когда рядом нет Пилар, чтобы сгладить угол, меня съедят.

Но одновременно это шанс. Больше времени наедине с офисом, со складом, с документами, которые она оставляет на столе.

Пилар замечает мою заминку. Снова берет колоду, тасует, вытаскивает еще одну карту и кладет поверх первой.

— Не бойся, — мягко говорит она. — Видишь?

На новой карте — женщина, разрывающая пасть льву.

— Это сила. Карты не врут. Все будет отлично. Кроме того, от тебя требуется простая административная работа. Чтобы у всех было место за столиками и выпивка. И ты под защитой.

Пилар улыбается, и в этой улыбке столько уверенности, что мне приходится кивнуть в ответ.

— Конечно, — говорю я. — Я справлюсь. Карты защитят.

Не хочу звучать язвительно, но здравый смысл преобладает над магией таро.

— Карты, может, и не защитят, — легко парирует Пилар, словно читая мои мысли. — Но Вирхилио будет тут. Если что-то пойдет не так, обращайся к нему. Или к Кэпу. — Она морщит нос, будто вспомнила что-то неприятное. — Но лучше к Вирхилио. Кэп потом еще долго будет нудеть, читать морали. Ему только дай повод для этого.

Пилар говорит об этом так просто, будто речь идет о выборе блюда в меню. Я понимаю: она живет по принципу, что в любой непонятной ситуации нужно бежать к брату. Он разрулит. Он защитит. Он решит. И мне не хочется напоминать ей, что Вирхилио явно не ко всем проявляет такое участие. Скорее всего, эта привилегия есть только у нее.

— Ладно, хорошо... — соглашаюсь я, хотя понимаю, что выбора у меня нет.

По сути, Пилар — моя начальница, и она просто ставит перед фактом.

Если бы еще знать, кто стоит выше нее и брата...

Пока результаты моего наблюдения оставляют желать лучшего...

Что я имею на руках после недели административной работы? Бар, точка, где закон «АНО»¹⁴ сильнее, чем закон Колумбии. Официально — террористы, фактически — теневое правительство. Бандиты с амбициями политиков, где революционная риторика давно проржавела от крови и наркодолларов. Когда-то они верили в борьбу, но реальность сломала и их.

Теперь за ними террористические акты, внедрение в профсоюзы, университеты, кабинеты чиновников. И, конечно, деньги: наркотики, похищения, контрабанда. Грязь, в которой утопает эта страна. Но в Боготе они действуют по-своему. У них слишком мощная крыша в верхах, поэтому спецслужбы смотрят на этот бар сквозь пальцы. Здесь закон пишется не в конгрессе, а за стойкой. И они настолько чувствуют безнаказанность, что особо не скрываются даже перед новыми сотрудниками.

Кэп, скорее всего, руководит подростками. Новым проектом, о котором пытался узнать Хоакин.

А кто здесь Вирхилио? Безопасность? Правая рука Кэпа? Или просто грозный родственник? И кто вообще владеет этим местом? Кто подписывает чеки и отдает приказы нападать на журналистов?

Вопросы роятся в голове, как назойливые мухи. Но задать их нельзя. Любой из них здесь может стать последним. Поэтому я просто стою за стойкой, улыбаюсь и делаю вид, что меня волнует только сегодняшняя смена в одиночку.

За окном темно, но внутри «Ла Эскины» жизнь только набирает обороты. Бар заполняется тем специфическим гулом, который бывает только в местах, где люди приходят не столько выпить, сколько встретиться.

Я работаю в ритме, который задала мне Пилар. Сверяю накладные, пересчитываю кассу, веду журнал поступлений. Но параллельно в голове крутится список инструкций, который она оставила перед уходом.

«Столик у окна — счет не пробивать, списывать на брак. Если придет мужчина в серой кепке — сразу зови Кэпа. Девушек в красном в систему не вводить, они ждут своих».

Я запоминаю лица. Кто свой, кто чужой, кто просто пьяница, а кто — важная часть жизни в баре.

Краем глаза замечаю движение у барной стойки. Кэп стоит спиной ко мне, что-то тихо говоря трем парням. Подростки. Лет пятнадцати-семнадцати, не старше. Одеты в простые футболки и потертые джинсы, но держатся напряженно, будто готовы сорваться с места в любую секунду.

¹⁴ Ejército de Liberación Nacional (Армия национального освобождения). Признана террористической организацией Колумбией, США, Канадой, ЕС.

Замедляю движение, делая вид, что сверяю цифры в планшете с полками за спиной бармена. Один из них, самый высокий, нервно оглядывается. У него на шее свежий шрам, едва прикрытый воротом. Второй постоянно тербит карманы на штанах карго. Третий просто смотрит в телефон.

Кэп кивает им и что-то тихо говорит.

Меня пробирает холод. Они совсем дети. И они уже вовлечены.

Отвожу взгляд, чтобы не выглядеть слишком заинтересованной. Делаю пометку в планшете, будто проверяю остаток виски. Делаю шаг ближе, чтобы лучше слышать.

— ...завтра снова в Субе, — доносятся обрывки голоса Кэпа. — Чтобы никто не видел.

Сердце бешено колотится. Я должна запомнить это. Должна услышать больше. Но нельзя даже смотреть в их сторону слишком долго. Администратор не должен интересоваться переговорами посетителей.

Выпрямляюсь, убираю планшет под стойку. И в этот момент чувствую присутствие. Просто изменение давления воздуха рядом.

Вирхилио.

Он возник словно из тени, абсолютно бесшумно. Стоит рядом со мной, плечом к плечу, опираясь локтем о стойку. Я не заметила, как он подошел.

— Все в порядке? — его голос низкий, спокойный, но внутри все натягивается от тревоги.

Я беру себя в руки. Вирхилио смотрит не на меня, а на тех троих парней, которые только что отошли от Кэпа. Его взгляд тяжелый, оценивающий. И потом он переводит его на меня.

— Да, — отвечаю я.

— Пойдем поговорим, — в том же тоне продолжает Вирхилио.

И тут мне становится страшно. По-настоящему. Так, что колени становятся ватными, а во рту мгновенно пересыхает. Я киваю, сомневаясь в собственном голосе. Почему он выбрал вечер, когда в баре нет Пилар? Специально ждал этого? Или просто совпадение?

Вирхилио поворачивается и идет к задней комнате. Не ждет, пока я последую за ним. Прохожу вслед за ним через занавеску из пластиковых бусин. Они тихо звякают, ударяясь о мою спину, будто отрезая путь к отступлению.

Кабинет Вирхилио отличается от остального бара. Здесь нет музыки, запаха жареного масла и алкоголя. Воздух холодный, кондиционированный, пахнет сигаретами, старой кожей и чем-то металлическим, напоминающим оружейную смазку.

Комната небольшая, почти спартанская. Никаких личных вещей, фотографий семьи или сувениров. Только функциональность. Вдоль дальней стены — стол из темного металла. На нем — ничего лишнего: блокнот, ручка, стационарный телефон и пепельница с бычком, который еще тлеет.

Но главное — это стена напротив входа. Там висят четыре монитора. На них — транслируется изображение с камер наблюдения. Бар, вход, склад, коридор. Я вижу Кэпа, протирающего бокал. Вижу пустой столик, где только что сидели подростки. И понимаю, что Вирхилио действительно легко следит за всем происходящим.

Он проходит за стол, садится в массивное кожаное кресло. Оно скрипит под его весом. Вирхилио не предлагает мне сесть. Оставляет стоять посреди комнаты.

— Закрой дверь, — говорит он, не поднимая глаз. Я поворачиваюсь, тянусь к ручке. Металл холодный. Закрываю. Теперь мы заперты. Я и человек, который, возможно, отдавал приказ избить Хоакина.

Дьявол...

Все-таки я действительно сумасшедшая. Так без раздумий сунутся в логово врага без подстраховки.

Импульсивность — порок еще опасней, чем любознательность.

— Рассказывай, — твердо произносит Вирхилио, откидываясь на спинку стула.

Комната погружена в полумрак. Нас освещает лишь тусклая лампа под потолком и холодное сияние четырех мониторов на стене. Синеватый свет экранов выхватывает из темноты черты его лица, создавая жесткие, ломаные тени. Одна половина лица Вирхилио в свете, другая скрыта во мраке. Он выглядит как часть этой системы наблюдения — такой же неподвижный, как камеры, и такой же всевидящий.

Его массивная фигура возвышается над столом. Черная футболка сливается с темнотой кабинета, видны только руки, лежащие на подлокотниках, и глаза. Они отражают мерцание мониторов, будто у хищника в ночи. Он не моргает. Ждет.

Сглатываю, пытаюсь увлажнить пересохшее горло. Мозг лихорадочно работает, стараясь понять, что он хочет услышать. Неужели меня раскрыли? Валерия проболталась? Камеры зафиксировали лишнее движение?

Хотя... в таком случае, наверное, со мной бы обращались по-другому. Не было бы разговоров. Вирхилио был бы не один.

Хотя... думаю, он справится со мной и в одиночку...

— О чем? — спрашиваю я, наконец, вспомнив, что от меня нужен ответ.

Включаю дурочку. Расширяю глаза, делаю лицо максимально растерянным, насколько это возможно при бешено стучащем сердце. Смотрю на Вирхилио, как провинившаяся школьница.

Он не двигается. Только желваки перекачиваются на скулах.

— Я не люблю дур, Сьерра, — спокойно отвечает он. Голос низкий, вибрирующий, заполняющий кабинет. — Говори то, что не рассказала Пилар.

В этот момент, глядя на его хмурый взгляд, в котором нет ни капли сомнений, я окончательно проваливаюсь в ужас. Он не спрашивает. Он знает. И дает мне последний шанс сказать правду, прежде чем решит, что делать дальше.

И тут за мной открывается дверь...

Глава 7.

В этом кабинете со мной могут сделать что угодно. И никто не услышит. Эта мысль леденит кровь. Я стою, вцепившись взглядом в Вирхилио. Тело становится каменным, мышцы отказываются слушаться. Видимо, это моя реакция на смертельную опасность — полный ступор.

Я даже боюсь повернуть голову к двери. Вдруг там банда подростков, которых я видела у стойки. Вдруг они сейчас войдут и побьют меня, как Хоакина?

Но Вирхилио даже не моргает. Он смотрит поверх моего плеча, в сторону входа, будто видит сквозь дверь.

— Зайди позже, Кэп, — ровно произносит он. Без повышения тона и суеты.

Так... Кажется, смертный приговор откладывается. Это не по мою душу пришли. Внутри разливается слабое, но осязаемое облегчение, позволяющее сделать вдох.

Хотя цепляет другая деталь. Манера, которой Вирхилио отдает распоряжение. Слишком командная, слишком властная для просто охранника или помощника. Может, они равны?

Наверное, не это сейчас должно меня волновать.

Один. Два.

Незаметный вдох. Выдох.

Надо успокоиться. Привести мысли в порядок. Почему-то я почти уверена, что Вирхилио может учуять страх, как акула чувствует кровь в воде. Если я дрогну — он это увидит.

Кэп что-то недовольно бурчит, но закрывает дверь. И я как можно более спокойнее произношу, смотря на Вирхилио:

— Я правда не понимаю, что тебя интересует.

Вирхилио смотрит на меня убийственным взглядом, потом медленно тянется под стол. Я напрягаюсь до предела. Что у него там? Пистолет? Мачете?

Но он достает всего лишь обычный белый лист, исписанный от руки.

— Как тебя зовут? — интересуется Вирхилио, пробегая глазами по строчкам.

— Сьерра Мендоса, — представляюсь я.

Вирхилио кивает, будто сверяя ответ с записью.

Я продолжаю счет про себя. Три. Четыре.

Слава богу, я не совсем безумная. Свои статьи всегда писала под псевдонимом — девичьей фамилией матери. Мои фото нигде не публиковали, биографию не афишировали. Я слишком хорошо знала, в какой опасной для журналистов стране работаю, чтобы оставлять реальные следы.

— Значит, Барселона, — продолжает Вирхилио.

Киваю. Вспоминаю легенду, которую придумали с Валерией.

— Два года, — подтверждаю я. — Работала официанткой, но по факту тоже выполняла обязанности администратора. Но там сейчас... сложно. Кризис. Решила вернуться домой.

Вирхилио поднимает глаза от листа. В полумраке его зрачки кажутся бездонными. Он медленно кладет бумагу на сто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.